

НЕЛЛИ БУМОВА

A movie poster featuring three characters. In the foreground, a woman with dark hair and green eyes wears a red hooded cloak. Behind her are two men with angel wings. The man on the left has short, styled blonde hair and a dark coat. The man on the right has dark, wavy hair and a white shirt. The background is dark with faint blue and white light effects.

ЧЕРНЫЕ ДЕЛА

18+

Нелли Бумова

Черные дела

«Автор»

2026

Бумова Н.

Черные дела / Н. Бумова — «Автор», 2026

Комната стала далёкой, как будто она смотрела на неё через воду. На неё обрушилась волна ужаса — не кошмара, а пустоты. Пустоты, в которой нет ни одного воспоминания. Ни их лиц. Ни голоса. Ни вчерашнего вечера. Ни того, как она оказалась между двумя мужчинами. День пропал? Неделя? Месяц? В голове стоял треск — будто в её черепе ломали лёд. Она схватилась за виски, отчаянно, до боли, словно могла физически вытолкнуть этот шум, прорваться к себе прежней, вспомнить хоть что-то.

© Бумова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Нелли Бумова

Черные дела

Глава 1

Будущее I.

Чёрт. Как болит голова.

Мысль была первая и единственная. Глаза не хотели открываться, веки будто залили свинцом. Тело лежало тяжёлым, чужим, не откликающимся. Она попыталась повернуться, хотя бы дёрнуть рукой или ногой — в ответ только слабый толчок где-то в глубине мышц и лёгкое хриплое дыхание, вырвавшееся из груди.

Юна всё-таки приоткрыла глаза — узкой щёлкой, из которой сразу ударил тусклый свет. Комната была тёмной, шторы плотно задернуты, только по краям пробивались тонкие полоски утреннего света. Воздух стоял тяжёлый, тёплый, с запахом чужих духов и чего-то ещё.

Удалось приподняться на локоть. Голова раскалывалась, но зрение немного прояснилось. Она увидела, что по незнакомой комнате повсюду валяются вещи — рубашки, джинсы, футболки, бельё. На ней было только бельё — мягкое и удобное. Юна медленно повернула голову налево — и ахнула.

Рядом, на смятой простыне, спал парень. Тёмные волосы, лёгкая щетина, обнажённый до пояса торс. На нём были только штаны, и при каждом его дыхании красиво двигались чётко очерченные мышцы живота. От него шёл тёплый солоноватый запах, который она почему-то различила сразу, как знакомый.

В этот момент она начала различать звуки — негромкое дыхание, лёгкий, сонный вздох справа. Юна резко дёрнула взгляд в другую сторону и застыла.

На другой стороне кровати лежал второй. Блондин. Расслабленный, уверенный, даже во сне. Свет, пробивающийся из-под шторы, цеплял его кожу — словно подчёркивал её холодный блеск. Его поза была почти ленивой. И такой привычной... будто она уже видела его так. Рядом. Слишком близко. Она не помнила его. Но тело не вздрогнуло.

Мир поплыл.

Комната стала далёкой, как будто она смотрела на неё через воду. На неё обрушилась волна ужаса и пустоты. Пустоты, в которой нет ни одного воспоминания. Ни их лиц. Ни голоса. Ни вчерашнего вечера. Ни того, как она оказалась между двумя мужчинами.

День пропал? Неделя? Месяц?

В голове стоял треск — будто в её черепе ломали лёд. Она схватилась за виски, отчаянно, до боли, словно могла физически вытолкнуть этот шум, прорваться к себе прежней, вспомнить хоть что-то. Один миг. Одно слово. Одну деталь.

Но вместо воспоминаний — только ощущения.

Запах, от которого не хотелось убежать. Чьё-то присутствие, которое не пугало. Чья-то тень, которая будто всегда стояла рядом. Чья-то рука, которой она, кажется, уже доверяла.

И всё же — память была пуста.

Совсем пуста.

Глава 2

Год назад

*«Задумывая черные дела
На небе ухмыляется луна
А звезды будто мириады стрел
Ловя на мушкетерские силуэты снов
Смеется и злорадствует любовь
И мы с тобой попали на прицел...»*

Когда-нибудь она научится опаздывать. Когда-нибудь — но, видимо, уже не в этой жизни.

Юна оказалась на вокзале за час до отправления и, чтобы не раствориться в собственном беспокойстве, свернула в книжный магазин. Проходить мимо не имело смысла — ничего другого не могло так быстро вернуть ей опору, как запах бумаги и шелест страниц. Книги всегда были её маленькой, спрятанной от мира точкой стабильности.

Перед глазами всплыла бабушкина библиотека. Целая стена книг — от пола до потолка, сплошные корешки, цвета которыми дышало её детство. Маленькая Юна сидела прямо на полу, поджав ноги, и рассматривала надписи так, будто каждая могла открыть ей новый мир.

Что она выберет сегодня?

Иногда её тянуло к самому нижнему ряду. Как бы тщательно бабушка ни вытирала полки, как бы вся семья ни помогала ей каждые выходные — пыль возвращалась слишком быстро. Она оседала в углах, на корешках, на страницах.

Юна протягивала маленькую ручку и брала тяжёлый зелёный том Фрейда. Она была слишком мала, чтобы понимать написанное. Но открывала книгу всё равно — и каждый раз делала глубокий вдох.

Запах пыли. Запах бумаги.

Фрейд писал о человеческой психике, о её сложности, о том, как глубоко скрываются истинные мотивы. Юна не понимала смысл, но чувствовала — что-то в этих словах тянется прямо в глубины её собственного сознания. Как будто эти буквы, такие взрослые и строгие, мягко касались её пальцев. Как будто между ними пробегало едва заметное электричество — первое намётанное прикосновение к тому, кем она однажды станет.

И сейчас уже взрослая Юна, схватив первую заинтересовавшую обложку, незаметно подняла книгу ближе к лицу и вдохнула. Запах — пыльный, тёплый, почти интимный — накрыл её, и она на секунду зажмурилась, позволяя себе крошечное удовольствие.

И в этот момент холодок пробежал по позвоночнику. Будто кто-то смотрел. Слишком внимательно.

Она вздрогнула, распахнула глаза. Проход был пуст.

Это чувство преследовало её годами — тихое, липкое, настойчивое ощущение чужого присутствия. Иногда слабое, еле уловимое. Иногда — резкое, как удар током. Но Юна давно научилась глушить его, как глушат назойливую мысль: резко, делая вид, будто ничего не произошло.

Собравшись, она открыла книгу, будто действительно искала содержание, затем закрыла, отнесла на кассу и вышла за кофе — себе и Кате.

Им предстояло маленькое внезапное путешествие, которое Катя придумала на прошлых выходных. Катя — вечный двигатель, искра, хаос с белыми волосами и зелёными глазами. Она смеялась так заразительно, что воздух вокруг будто начинал вибрировать.

Юна же всегда была той самой отличницей — девочкой, которая сидела на первой парте, поднимала руку первой, выкрикивая «Я», даже когда не была уверена в ответе, и неизменно слышала в спину издёвку: *«Я — последняя буква алфавита»*. Та, кто боялась четвёрок, зубрила до изнеможения и иногда ловила себя на том, что повторяет материал автоматически, не понимая смысла прочитанного.

И в свои двадцать пять она всё ещё оставалась тем ребёнком, который привык угождать, не высовываться, быть удобной. Тихой, скромной — будто кто-то когда-то сказал ей, что только такая она имеет право на любовь.

Иногда, лёжа ночью без сна, она задавала себе один и тот же вопрос: *когда же я почувствую свободу?*

Ту настоящую — внутреннюю. Чтобы делать то, что хочется, а не то, что «правильно». Выбирать себя, а не ожидания других. Смеяться громко, ошибаться открыто, говорить честно, даже если голос дрожит.

Чтобы просто... быть. Не примерять роли, не оправдывать чьи-то надежды. Не бояться, что её «слишком много» или «недостаточно».

Но пока что свобода жила где-то на горизонте — золотая, манящая, недостижимая. А Юна шаг за шагом продолжала быть хорошей девочкой, даже если внутри всё больше хотелось наконец перестать ею быть.

Сопротивляться Катиной аванюре казалось бессмысленным. Да и как? Катя выбирала приключения так же легко, как другие выбирают булочку к кофе.

Пока Юна ждала подругу на лавке, она вспомнила их первую встречу. И могла поклясться — кто-то наверху точно хотел, чтобы они познакомились. Слишком многое тогда сложилось подозрительно правильно.

Внутри стало тепло от воспоминаний о том самом сентябрьском утре, когда она радовалась, что не пропустила письмо из института. Первая встреча студентов должна была пройти в центре, на Павелецкой, но что-то внезапно поменялось, и всех первокурсников отправили на Парковую улицу.

Она уже стояла на остановке, ожидая маршрутку, когда слева заметила яркую, уверенную в себе блондинку. Длинные белые волосы свободно спадали по плечам, зелёные глаза сияли так открыто, будто весь мир существовал лишь для того, чтобы откликаться на её желания. Лёгкость в движениях, лёгкость в улыбке — та редкая порода людей, которые не сомневаются в себе.

Юна была её полной противоположностью. Тёмно-русые длинные волосы. Глаза — такие же зелёные, но с глубокой грустью, будто в них отражались те давние истории, о которых она не говорила. Серьёзность, аккуратность, выдержка — всё это не просто защищало её, но и держало, не позволяя развалиться на тысячи тонких чувств, которые она прятала от всех.

Если та блондинка казалась ветром, который гуляет, где хочет, то Юна была землёй — тихой, плотной и сосредоточенной.

Юна краем глаза наблюдала за ней, будто старалась запомнить каждое движение. И только много лет спустя поймёт: её всегда притягивали такие люди — те, кто не боялся чужих взглядов, кто жил так, словно правила существовали для кого угодно, только не для них, кто не просил разрешений и не останавливался, чтобы спросить, можно ли им быть такими, какие они есть.

Юна так не умела.

Ей никогда не было всё равно. Она несла себя осторожно, тихо, будто старалась не задеть мир лишним движением, держась в рамках, которые сама же и выстроила. И свобода в других — эта лёгкая, бесстрашная открытость — одновременно пугала её и притягивала, как что-то невозможное, но желанное.

Длинные русые волосы словно служили ей щитом, прятали от лишних взглядов, и она охотно скрывалась за ними сама, не желая показывать, какая она есть на самом деле. Высокая. Красивая. С живыми, такими же зелёными глазами, как у той девушки, только в них не играло озорство — там жила тихая, глубокая грусть, почти постоянная тоска, которую она не показывала, но которую видел каждый, кто задерживал на ней взгляд чуть дольше секунды.

Поэтому её и тянуло к этой блондинке — как будто рядом с ней становилось возможным то, чего она сама себе не позволяла. Она поймала себя на мысли, что хотела бы с ней дружить, идти рядом хотя бы чуть-чуть, хоть на шаг приблизиться к той легкости, которой блондинка дышала так естественно, будто не знала, что это редкий дар.

Мысли прервала подъехавшая маршрутка. Юна залезла внутрь и удивилась, увидев, что блондинка зашла следом. Они сели рядом и почти одновременно передали деньги за проезд. Проехав пару остановок, Юна вздрогнула от неожиданного вопроса:

— Ты случайно не в Институт юриспруденции едешь?

От внезапности её обычно скромный голос едва не исчез, но она выдавила что-то похожее на «да».

— О, отлично! — обрадовалась блондинка. — А ты уже была там? Я была только в центре, а здесь ни разу. Где нужно выходить?

Юна, наблюдая за её живой мимикой, заразительной улыбкой и зелёными глазами, решительно ответила:

— Да, я была. Я тебе покажу.

Так они и пошли вместе. И болтали так, будто знали друг друга не минуту — а годы.

Она тогда не знала, что это — начало всего. И что «случайности» в тот день расставляли не люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.